

К ВОПРОСУ ОБ ОГРАНИЧЕНИИ, СЕГМЕНТАЦИИ И ПЕРСПЕКТИВЕ

Категория аспектуальности представляет собой лингвистическую универсалию, которая характерна многим языкам мира. Вид широко представлен в русском языке, который чаще всего выступает в роли языка-эталона в контрастивных исследованиях. В данной статье предпринята попытка разграничить понятия способ действия, фаза и аспект, во избежание переноса «русского вида» на немецкий язык. Материалом для исследования послужили русский и немецкий языки. Анализ исходит от процесса как денотата глагола и базируется на трех уровнях, которые можно представить следующими понятиями: тип процесса (уровень внутриязыковой классификации), классификация процесса (уровень говорящего), комплексный процесс (уровень референции). Процесс является относительной величиной, которая включает в себя различные сегменты и комбинации комплексной процессуальной формации.

Ключевые слова: аспект, способы действия, процесс, сегмент, фаза, перспектива, денотат, время.

Становление аспектологии как науки связано с именами таких ученых, как С. Агрелль, Н. С. Авилова, А. В. Бондарко, В. В. Виноградов, М. Я. Гловинская, А. В. Исаченко, С. И. Карцевский, Э. Кошмидер, Ю. С. Маслов, Р.З. Мурсов, О.С. Рыхлова, О. М. Соколов, А. Н. Тихонов, М. А. Шелякин, Е. В. Падучева, Д. Пайар, Е. В. Петрухина, Е. Н. Ремчукова, С. О. Соколова, В. С. Храковский, М. Ю. Черткова и др. Однако несмотря на долгую традицию изучения семантики видов и значительные достижения аспектологии, категория вида по-прежнему является «ареной борьбы и взаимодействия грамматических и лексических значений» [1]. Очень часто в научной литературе аспект, способ действия и фаза не разграничиваются и являются синонимичными, иначе говоря, «зонтиковыми» понятиями. Можно ли предположить, что под глобальным понятием аспект подразумевается каждая внутренняя перспектива, которая представляет вербальный процесс под определенным углом видения? Являются ли способы действия лексическим аспектом? Нужно ли брать во внимание то, что выражено лексически либо грамматически, и рассматривать аспект в немецком языке как дополнительный эффект конституции текста, который существует лишь в сознании говорящего и должен быть воспринят реципиентом?

Способы действия (Aktionsarten)

Прошло уже почти 100 лет со времени выделения СД, однако и сегодня существует целый ряд разногласий в понимании способа действия как в отечественном, так и в зару-

бежном языкознании [2]. В немецкой аспектологической литературе способы действия (СД) рассматриваются очень широко: от чисто семантических разрядов глаголов до категориально-аспектуальных. Анализ теоретической литературы по проблеме вида показал, что подавляющее большинство аспектологов, занимающихся вопросами вида немецкого языка, отрицают вид как грамматическую категорию, признают ее категорией специфической, отличной от славянского вида, и имеющей средства выражения, свойственные именно данному языку.

СД образуют трудно выделяемую специальную область. И, конечно же, возникает вопрос, как они вообще могут быть связаны с аспектом, наклоном и темпоральностью. Шведский лингвист Зигурд Агрелль был одним из первых, кто использовал это понятие в качестве оппозиции аспекту [1]. Способы действия не стоит путать с другими категориями, т. к. глаголы определенного способа действия дополнительно приобретают значение темпоральности, фазы, наклона, диатезы и аспекта.

В данной статье изучение способов действия исходит от процесса как денотата глагола и базируется на трех уровнях, которые можно представить следующими понятиями:

- тип процесса (уровень внутриязыковой классификации),
- классификация процесса (уровень говорящего),
- комплексный процесс (уровень референции).

Тип процесса

Первичным признаком глагола в тех языках, которым присущ класс «глагол» является процесс. Согласно предикации процесс Р подчинен носителю А (агенса либо субъекта) таким образом, что функция $f(x)$ в реализации $P(A)$ описывает лингвистическую первоначальную форму «события». Конечно же, существительное, прилагательное или наречие тоже могут являться денотатами процесса, но только глагол способен отразить процесс как протекание, как происходящую ситуацию.

Здесь необходимо подчеркнуть, что процессы различаются по своему типу, которые можно выделить из определения Antoine Meillet: «Глагол обозначает процесс, при этом речь идет о действиях/процессах, состояниях либо о переходах из одного состояния в другое» [перевод мой] [3: 175]. Принадлежность к той или иной категории зависит от человеческого восприятия либо представления о категоризации мира. Так, действия и процессы относятся к динамике, а, соответственно, операции и следствия операций, состояния – к статике, а переходы из одного состояния в другое представляют собой смешанную категорию. Процессы – это действия без определенного агенса, состояния – это «вырезки» из процессов, которые благодаря их медленному изменению воспринимаются как статичные. В рамках категории «процесс» субкатегории могут быть сведены к общему знаменателю «изменение». Суммируя вышесказанное, можно сделать следующие выводы:

– возникают пересечения между действиями, процессами и состояниями, которые объясняют отступления от нормы в интеграции воспринятого;

– процессы – это «вырезки» из общей картины, которые рассматриваются как онтологические единства. Говорящий узнает в них определенные характерные черты, что позволяет отнести их к соответствующей категории;

– процессы различаются по сложности. В протекании процесса можно выделить сегменты и следствия операции, которые могут быть восприняты в речи как отдельно, так и глобально.

Структура процесса

Исходя из классификации процессов по их признакам, можно вывести типологию процесса, которая прослеживается в глагольной лек-

сике и вместе с тем в семантике каждого глагола. Она выходит за рамки различия «процесс/состояние» и включает в себя такие характеристики как теличность, результативность, интенсивность, вариативность, длительность и т. д. Некоторые из этих категорий находятся на шкалах значимости, выстроенных языком. Другие же дают понять, что процессы образуют сочетания, в которых один процесс указывает на другой, предполагает или предвосхищает его. Но речь всегда идет о лексикализованных семантических категориях, чье число может потенциально увеличиваться. Принципиально они не отличаются от шкал значимости либо от семантических категорий других лексических областей как существительные и прилагательные, рассмотрим следующий ряд: kalt – k ü h l – (нулевое состояние) – lau – warm – hei ß. Таким образом, объясняется и понятие «способ действия», благодаря лишь привязанности к глаголу как к ядру действия.

Комплексные процессы

Важной предпосылкой для понимания «способа действия» является внутренняя комплексность процесса. Уже в ранних исследованиях других языковых явлений, а именно в области транзитивности и глагольной валентности, процесс рассматривался как «структурированное протекание» [4, 5], в котором могут принимать участие различные актеры (актанты). Например, глагол schlagen имплицитно обозначает объект, которого бьют, глагол streiten подразумевает оппозицию, с которой можно поспорить и т. д.

Процесс делится на несколько сегментов: начало, середина, конец, этапы, кванты. Глагол может обозначать как один из сегментов (einschlafen, bl ü hen, verklingen), так и глобальный процесс (reisen, studieren). Приведу еще один пример, семантика глагола kaufen включает в себя ряд отдельных процессов, которые со своей стороны имеют отдельные глагольные репрезентанты. Судя по внутренней структуре денотируемого процесса лингвисты выделяют холистические (treffen), аддитивные (erziehen) и неаддитивные глаголы [6, 7]. Денотат итеративного глагола (часто заканчивающегося на l-p либо r-p) представляет собой последовательность одних и тех же или похожих друг на друга минипроцессов. При этом, как заметили Хель-

биг / Буша «временная структура протекания и семантика сливаются воедино» [8: 69].

Итак, на основании вышеизложенного следует подчеркнуть, что процесс является относительной величиной, которая включает в себя различные эпизоды и комбинации комплексной процессуальной формации. В результате возникает необходимость систематизации обозначений процессов: способов действия. Камнем преткновения при этом является произвольный и спонтанный выбор говорящим языковых средств. Также следует заметить, элементы других лексических категорий являются равноправными репрезентантами отрезков реальности различной протяженности и семантической структуры, и их каталогизация происходит по тому же принципу. В немецких глаголах семантическую «доп. квалификацию» чаще всего несет в себе префикс, т. е. неглагольная часть (*losrennen, verblühen*).

Итак, способы действия обозначают классифицирующий признак в рамках комплексного процесса, который лексикализован в семантике глагола и независимо от воли говорящего находится в распоряжении языкового сообщества.

Фаза и аспект

Фаза во времени

Если представить иерархическую лестницу, то фаза и время находятся над способами действия. Поэтому анализ должен исходить не только от процесса, но и от времени. Сигнификаты времени обозначают фиксацию процесса (точнее события, имплицитующего процесс) как точку относительно временной точки высказывания на топологической оси, которая интерпретируется как «временная ось» [9, 10]. Временные формы не имплицитуют ни длительность, ни отношение к процессу. Если бы они имплицитовали длительность, то представляли бы собой дифференциал двух длительностей, а не отношение между временем говорящего и временем события.

Коренной вопрос заключается в том, являются ли сложные временные формы, архизначение которых «противопоставление времени события интерполируемому времени наблюдателя (point of reference)», фузиями из темпоральных и аспектуальных компонентов. Согласно теории Г. Рейхенбаха это двойственное определение подходит для всех, даже для простых вре-

менных форм и он однозначно относит их к области времени [11]. Значит, то, что Ж. Фурке называет фазой, а именно форма протекания действия (*Ablaufsforn*), завершенность (*Abgeschlossenheit*) и форма неначатого действия (*Noch-nicht-Begonnenhaben*) [12], несут в себе временное либо аспектуальное значение?! Оба утверждения имеют свои аргументы. Аспектуальную значимость фаза приобретает в трех областях: наблюдение за процессом во время его протекания, после его окончания и перед его началом. Но тут опять возникает вопрос: Чем они тогда отличаются от одновременности, предшествования и последовательности Г. Рейнбаха?

Две перспективы

Аспектуальная перспектива, как, например, представлял В. Клейн, это совершенно другая перспектива, независимая от временной оси. Процесс фокусируется во время протекания, исключая его границы, т. е. точки начала и конца (внутренняя перспектива, имперфектный аспект) либо как целое, включая свои границы (внешняя перспектива, перфектный аспект). Другими словами это можно сравнить с камерой, которая в первом случае стоит на месте, а во втором движется вдоль событий. Смещение фазы и аспекта плюс их пересечение со способами действия побуждает рассматривать процесс в его протекании в двух перспективах и отождествлять его с дуративным способом действия. То же самое касается завершенности (фазы) и перфективности (аспекта). Если решающим критерием для аспекта является ис-

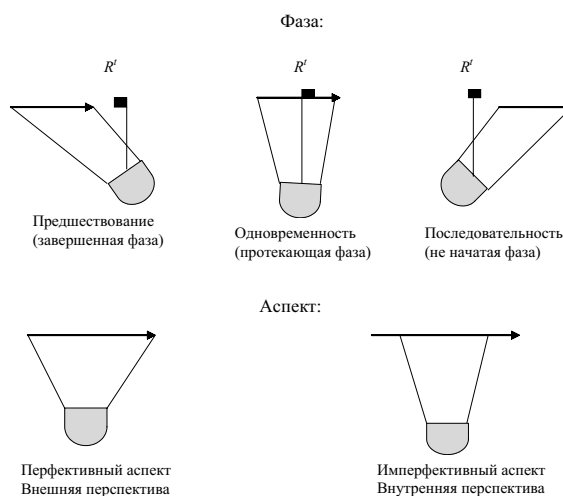

Схема 1. Фаза и аспект

ключение и включение границ процесса, то для фазы это не играет никакой роли. Данное положение представлено на графике, где R^t означает момент речи (Схема 1).

Длительность

Существенным фактором является то, что длительность не покрывается фазой, а представляет собой дополнительный независимый параметр наряду с фазой и аспектом. Процесс без длительности, пусть даже он будет мгновенным, не мыслим. И не важно, какой признак процесса выходит на передний план и как представлен процесс протяженно либо точно. Н.Хомский, А.Шахматов Ж.Вандриес рассматривали длительность как субстанцию аспекта [13: 17]. При этом полагали, что существуют процессы, имплицитные длительности, и точечные процессы. В виду того, что прецизионными показателями длительности в основном являются адвербиальные и другие маркеры, длительность отнесли к области способов действия и она может коллидировать с фазой и аспектом. Так называемые статические глаголы уже заключают в себе семантику длительности; они выступают в аспектомаркированных (видовых) языках как имперфективные глаголы. В английском же некоторые глаголы не могут образовывать форму протекания, блокируя тем самым аспектуальную информацию. Но противоположность тоже имеет место быть. Связка *sein* вводит предикаты состояния и является имперфективной *par excellence*. Во французском связка может употребляться в перфективном *passé simple* и ограничивать временные рамки.

Все это доказывает независимость категории аспекта по отношению к фазе и способу действия. Фаза это грамматализованная трансформация топологической перспективы.

Отношения в славянских языках

Многим исследователям по аспектологии не удалось избежать обращения к славянским языкам. Однако Дэвид Коэн предложил «расславизировать» аспект, мотивируя это тем, что из-за стремления свести аспект в разноструктурных языках к единому знаменателю, а именно схематично зафиксировать его на лексическом уровне, от исследователя ускользают другие возможные типы и более глубокие причины. Согласно Д. Коэну теория лексической фик-

сации аспекта, как например, в русском языке, еще достаточно молода, чтобы служить основой исследования феномена, который уходит своими корнями в эпоху становления языка *homo sapiens* (перевод мой) [13: 24]. Также французский лингвист Э. Бенвенист [14] выступал против переноса явлений в славянских языках при анализе других языков. Поэтому следует заметить, наблюдение и оценка процессов совершаются думающим и говорящим субъектом по различным критериям, что влечет за собой различные перспективы, которые выступают одновременно либо накладываются друг на друга и репрезентируются в зависимости от языка по-разному: лексически, грамматически либо контекстуально.

Лексический аспект

В русском языке аспект (вид) привязан к глаголу и лексикализован в нем бинарно, разбивая глаголы на две оппозиции – видовые пары, т. е. каждому имперфективному глаголу соответствует перфективный (сидеться-сесть). И речь идет лишь об аспектуальном различии, семантика при этом практически всегда идентична. Русская аспектуальная оппозиция отличается от фазовой и основана на перспективном противопоставлении «включая / исключая границы», т. е. на рассмотрении процесса как отрезка либо как целого.

Влияние аспекта на время

Благодаря аспектуальной оппозиции в русском языке компенсируется дефицит временной системы. Отсутствие фазового различия и единственная форма прошедшего времени с суффиксом -л- противопоставлены многообразию временных форм прошедшего времени немецкого языка. Нюансы поясняются контекстуально адвербиальными маркерами. Настоящее время в русском языке выражается только имперфектным глаголом настоящего времени. Это же логично, хочется сказать, ведь денотат настоящего времени в других языках не показывает, включены ли границы процесса, это покажет только семантика глагола либо адвербиальные указатели. Форма настоящего перфективного глагола в русском языке несет в себе семантику перфектного будущего (не совпадает с немецким перфектным *Futur II*), в то время как имперфектное будущее выражается

формой буду + инфинитив. Эта бинарность в будущем напоминает ситуацию в немецком, где будущность выражается двояко: при помощи werden + Inf. и презенс + индикатор будущего времени. Возможно, аспектуальная детерминация русского перфективного будущего и подталкивает на объяснение немецкого футурального презенса, но в настоящем все же возникает намерение аSSERTировать весь процесс в развернутом виде в будущем. Это еще раз подчеркивает связь аспекта с внутренней перспективой.

Итак, славянский аспект практически бесценен при разграничении аспекта и фазы, его очень трудно перенести на немецкий язык. Решающим отличием здесь могут выступить контекстуальные элементы, а именно адвербиалы и импликаты. Аспект в немецком языке зависит от дискурса. Он дифференцируется из структуры текста, манеры изложения, последовательности предложений и т. д. Он является частью композиционной свободы говорящего.

8.09.2013

Список литературы:

1. Agrell S. Aspektaenderung und Aktionsartbildung beim polnischen Zeitwort: ein Beitrag zum Studium der indogermanischen Prädverbia und ihrer Bedeutungsfunktionen // Lunds Universitets Arsskrift, I, IV, 2. – 1908. – 408 S.
2. Рышлова О.С. Проблема способов действия в немецком языке // Вестник Башкирского университета. 2007. Т. 12. № 3. С. 86-88.
3. Meillet A. Linguistique historique et linguistique generale. Volume. I. Paris: Champion et Klincksieck. – 1921. – p. 165-204.
4. Marschall G. Akkusativ und Prozessualität – Kasus als Fortsetzung der Verbsemantik // Vuillaume, Marcel (Hrsg.). Die Kasus im Deutschen, Tübingen: Staufenburg. – 1998. – S. 141-151.
5. Rousseau A. La transitivité. (Travaux et recherches). – Villeneuve d'Ascq (Nord): Presses. Universitaires du Septentrion. – 1998. – 481 S.
6. Leiss E. Die Verbalkategorien des Deutschen: ein Beitrag zur Theorie der sprachlichen Kategorisierung. Frontcover. Elisabeth Leiss. Walter de Gruyter, 1992 – 334 S.
7. Thiel B. Das deutsche Progressiv: neue Struktur in altem Kontext/ Barbara Thiel // Zeitschrift für Interkulturellen Fremdsprachenunterricht. – 2008. – №13:2. – 17 S.
8. Helbig G., Buscha J. Deutsche Grammatik. Ein Handbuch für den Ausländerunterricht. Berlin und München. – 2001. <http://www.pegem.net/dosyalar/dokuman/137999-2013101015557-makale-3.pdf>
9. Vater H. Einführung in die Zeit-Linguistik. Gabel Verlag. – 1994. – 324 S.
10. Marschall G. R. Tempusformeln. In Vater, Heinz / Kuhlwein Wolfgang (Hg.) Zu Tempus und Modus im Deutschen. Trier: Wissenschaftlicher Verlag Trier. – 1997. – S. 1-24.
11. Reichenbach H. Elements of symbolic logic. Front Cover. Macmillan Co. // Logic, Symbolic and mathematical – 1947. – 444 p.
12. Fourquet J. Valenz und Struktur / J. Fourquet, B. Grunig. – Leipzig: VEB Bibliographisches Institut, 1977. – 98 S.
13. Cohen D. L'aspect verbal. Paris, Presses universitaires de France. – 1989. – 272 p.
14. Benveniste E. Problèmes de linguistique générale // Paris, N.R.F., Bibliothèque des sciences humaines, 1 vol. – 1966. – 356 p.

Сведения об авторе:

Рышлова Оксана Степановна, доцент кафедры немецкой филологии и методики преподавания немецкого языка Оренбургского государственного университета,
кандидат филологических наук, доцент

460018, г. Оренбург, пр-т Победы, 13, ауд. 4202а, (3532) 453122, e-mail: obews@mail.ru

UDC 811.11-112: 81”367.7

Rykhlova O.S.

Orenburg state university, e-mail: obews@mail.ru

THE ISSUE OF LIMITATION, SEGMENTATION AND PERSPECTIVE

The category of aspect is a linguistic universal, which is common to many languages of the world. Aspect is widely presented in the Russian language, which often acts as a language reference in contrasts studies. In the present article is an attempt to delineate the concept of the manner of action, phase and aspect, in order to avoid the transfer of the «Russian vid» on German language. Material for the study was the Russian and German languages. Analysis comes from the process as a denotation of the verb and is based on three levels, which can be presented the following concepts: the process type (level intralingual classification), the classification process (level of the speaker), a comprehensive process (level of reference). The process is relative, which includes various segments and combinations of complex procedural formation.

Key words: aspect, modes of action, process, segment, phase, perspective, denotation, tense.